

№8 1999 год С.С.ЧЕТВЕРИКОВ. ГОРОД ГОРЬКИЙ. КОНЕЦ 60-Х ГОДОВ

Отход генетики, да, по-видимому, и общества в целом, от лысенковщины происходил на моих глазах. Происходил мучительно и очень медленно. Главная причина была в том, что можно очень легко одним приказом отменить лысенковщину как идеологию, как систему преподавания в вузах, как догму, которой необходимо следовать, однако изменить сознание людей, проживших всю жизнь при Сталине и при Лысенко, совсем не просто. Обычно бывает так, что вся основная наука делается в столице и революции происходят в ней же, оставляя без внимания происходящее в провинции. Поэтому по размышлении я принял предложение записать то немногое, что знал о Четверикове, точнее, о той, посмертной части его биографии, т.е. о незаметной, неторопливой и довольно трудной работе по восстановлению его светлого имени и признанного места в науке, хотя бы в одном из уголков России. Записки эти как раз о событиях, имевших место во время перехода от лысенковщины к нормальной науке, увиденных глазами студента провинциального университета. Конечно, тогдашний Горьковский, ныне Нижегородский государственный университет – это не провинция в научном и культурном смысле, да и немногие вузы России могут гордиться тем, что в их стенах работали такие ученые, как Четвериков. И все же...

Четвериков появился в г. Горьком в 1935 году (сразу после истечения срока ссылки во Владимир), когда его бывшая аспирантка Зоя Софроньевна Никоро, заведовавшая в то время в Горьковском университете кафедрой генетики, пригласила Сергея Сергеевича в этот вуз, уступив ему свое место. Четвериков приглашение принял, но, по словам Зои Софроньевны, до конца жизни не мог поверить, что такой широкий жест мог быть сделан исключительно из чистых побуждений, и постоянно ожидал какого-то подвоха.

В 1948 году, после августовской сессии ВАСХНИЛ, ректор Горьковского университета профессор А.Н.Мельниченко, который гордился личной дружбой с Лысенко (по крайней мере, это он рассказывал нам, студентам), получив директиву из Москвы, предписывавшую увольнение Четверикова, издал соответствующий приказ, а кафедру Четверикова занял сам и возглавлял ее до 1983 года.

В 1948 г. на кафедре работали Зоя Софроньевна Никоро, Юрий Петрович Мирюта, ставший впоследствии крупным советским генетиком, Иван Николаевич Грязнов, преподававший цитологию, впоследствии доцент, а также вернувшийся из армии, героически сражавшийся в годы войны Александр Федорович Шереметьев, недавно поступивший в аспирантуру к Четверикову. Сразу после того как был уволен их профессор, под угрозой потери партбилета и Грязнов, и Шереметьев отrekliсь от генетических воззрений и от Четверикова, потому и остались на кафедре. Грязнов до 1970-х, возможно, искренне полагал, что генетика не совсем правильная наука. Что до Шереметьева, то он всю жизнь воспринимал факт этой измены как личную трагедию, вплоть до смерти в 1973 году. По-видимому, поэтому, когда я появился на кафедре и заинтересовался хромосомами, которые у Мельниченко были предметом запретным, Шереметьев, будучи уже деканом биофака, оказывал мне полную и всестороннюю поддержку, и только благодаря ей я смог выжить на этой кафедре и продолжить заниматься изучением хромосом. Именно А.Ф.Шереметьев стал инициатором всех событий по реабилитации С.С.Четверикова в г. Горьком.

Впервые имя Четверикова я услышал осенью 1967 года, когда уволился с авиационного завода и перешел на дневное отделение биофака Горьковского университета. Это было время, когда после снятия Хрущева в 1964 году руководство СССР перестало поддерживать лысенковщину и генетикам показалось, что наступила оттепель. Возможно, в Москве она и наступила.

В Горьком группа студентов 3 и 4 курсов (всех я не знаю, помню только, что одной из них была Аида Филипповна Назарова, другой – Наталья Ивановна Левая, и у них был какой-то лидер, медик по специальности, не из университета) обратилась в Министерство высшего образования с просьбой открыть в Горьковском университете специализацию по генетике, фактически переоткрыть кафедру, занимаемую до 1948 года С.С.Четвериковым, и одновременно реабилитировать Четверикова. Совершенно удивительно, но некоторые непостижимые вещи в то время все же случались. Из Москвы пришел положительный ответ, и ректор университета (не помню его фамилии) своим приказом открыл кафедру генетики. По этому приказу планировалось передать для новой кафедры часть территорий, оборудования и преподавательских ставок с кафедры экологии и дарвинизма, возглавляемой А.Н.Мельниченко. Этой передачи, однако, не произошло и, как потом выяснилось, кафедру генетики не открыли, по-моему, до сих пор. Тем не менее, все уже знали: в нашем университете долго работал ссыльный профессор С.С.Четвериков, основоположник генетики популяций. Среди студентов нашего курса царил энтузиазм, многие захотели стать генетиками, настоящими вейсманистами-морганистами, а А.Ф.Шереметьев, работавший в то время на кафедре у Мельниченко, уже читал генетику на самом современном уровне по вышедшему только что учебнику М.Е.Лобашова. Видимо, это было ему нелегко, поскольку непосредственным его начальником по кафедре являлся Мельниченко.

Назарова и Левая, привлеченные лекциями Шереметьева, сами пошли специализироваться на кафедру Мельниченко и активно зазывали нас, студентов второго и третьего курсов. Как мне объяснил А.Ф.Шереметьев, процесс формирования новой специализации долгий, и если хочешь заниматься генетикой, то лучше не ждать появления новой кафедры, а идти на старую – к Мельниченко. Я этому совету внимал и пошел туда, а многие ребята, которые хотели стать генетиками, решили, что не стоит рисковать, и разошлись по другим кафедрам, благо, что в этом университете были сильные коллективы ботаников, зоологов, физиологов и биохимиков. Мои друзья-однокурсники были преданы науке, все они интересовались достижениями в любой области биологии. Помню, по аудиториям передавали из рук в руки только что вышедшую книгу Д.Д.Уотсона "Двойная спираль", которую мы читали запоем на всех лекциях подряд.

Я не помню, кто инициировал процесс реабилитации Четверикова. Хотели поставить его бюст, повесить мемориальную доску у входа в здание биофака, а самое главное – перезахоронить на кладбище в месте, удобном для посещения.

Однажды летом после окончания третьего курса А.Ф.Назарова сказала, что хочет показать мне место захоронения. Она уже заканчивала университет и переезжала в Москву. Мы пошли на центральное в Горьком Бугровское кладбище, где Четвериков был похоронен, и там она показала мне могилу, расположенную в самом дальнем углу среди нечистот, битых бутылок и мусора. О том, что это была могила Четверикова, свидетельствовала металлическая крышка от консервной банки, на которой с помощью гвоздика и молотка была выбита неровная надпись: "Профессор С.С.Четвериков". Эта крышка была прибита более толстым гвоздем к деревянному столбику на могиле.

В то время где-то, видимо в Москве, существовал комитет по увековечению памяти Четверикова, организованный генетиками СССР (я не знаю, кто в него входил, знаю определенно, что входила З.С.Никоро, с которой я разговаривал об этом весной 1970 года, когда приезжал в Новосибирск на студенческую конференцию), и уже было решение о перезахоронении Четверикова где-то на центральной части кладбища, собраны деньги на гранитный памятник, уже были привезены две плиты, с помощью автокрана опущены через изгородь кладбища и положены около могилы. Одновременно надо было получить разрешение от родственников и советских властей на эксгумацию останков. Разрешение от брата Четверикова, жившего в Москве, было получено, а из райисполкома это разрешение получил я, с этим никаких проблем не было. Нужно еще было найти место для новой могилы, извлечь останки из старой и перезахоронить их.

Место на кладбище нашли наши доценты Александр Федорович Шереметьев и Петр Андреевич Суворов. Группа студентов, моих друзей: два Валерия – Сорокин и Гальченко, три Владимира – Макаров, Мартынов и Ткаченко, Самуил Аратен, Евгений Лобков и я должны были перевезти две каменные надгробные глыбы из угла в центр кладбища. Однако, когда мы попытались сделать это, возникли непреодолимые препятствия. Если маленький камень мы, поднатужившись, все-таки сумели доставить на новое место, положив его на большие деревянные сани, сколоченные из толстых бревен, то большую плиту, несмотря на все усилия, ни приподнять, ни даже сдвинуть мы не смогли. Это было сделано значительно позже с помощью автокрана, водитель которого нашел какие-то тропинки среди огромных деревьев старого кладбища и смог перевезти большую плиту точно к месту нового захоронения.

В сентябре 1969 года, имея все разрешения на руках, мы перенесли прах Четверикова в новую могилу. Руководство кладбища выделило двух могильщиков, которые быстро раскопали старую могилу, перекидали без всякого почтения в новый гроб все, что в ней осталось: череп, кости, скрюченные кожаные ботинки и кожаный ремень. После этого все та же группа студентов, участвовавшая во всех этих операциях, понесла гроб, обтянутый красной материей, к новому месту захоронения. По иронии судьбы это случилось как раз в те часы и минуты, когда проф. Мельниченко читал лекцию о теории эволюции студентам 4 курса, каковыми мы все являлись. Лекции он обычно начинал словами: "Генетики не понимают...".

Гроб опустили в могилу, засыпали ее, А.Ф.Шереметьев и я сходили в ближайший магазин, купили две бутылки непонятного цвета и вкуса вина, хорошо известного в те времена под названием "бормотухи", которую распили все вместе на могиле, помянув таким образом Сергея Сергеевича.

Весной 1971 года наша деятельность получила продолжение. К тому времени могила все еще оставалась сиротливой и неухоженной. Не было ограды, не были установлены плиты памятника, и все это по самой банальной причине – из-за отсутствия денег. Как я уже упоминал, перезахоронение проводили на общественных началах и на деньги, собираемые среди генетического сообщества Советского Союза (по крайней мере мне так казалось, когда я смотрел на эту ситуацию глазами студента). И вот весной некоторая сумма вновь появилась. К этому времени скульптор Л.Ф.Кулакова – бывшая аспирантка Четверикова – закончила изготовление чугунного барельефа на могильный памятник. Это был огромный, до полутора метров шириной барельеф. Его привезли на грузовике на кладбище, и тут выяснилось, что он совершенно не подходит к постаменту из-за больших различий в размерах.

Дело в том, что по первоначальному проекту на могиле должна была быть установлена стелла с большой вертикальной широкой плитой внизу, к которой должен был крепиться барельеф. Однако сумму денег, необходимую для строительства, в полном объеме не собрали. Пришлось ограничиться просто вертикальной плитой, да еще узкой, примерно в 60 см шириной, на которой это чугунное изваяние совершенно не смотрелось. Наши доценты посмотрели на все это и, решив, что этот барельеф слишком велик, оставили его у входа на кладбище, а кладбищенское начальство на другой же день увезло его на свалку завода "Вторчермет". Когда спохватились, решив, что этот барельеф можно было бы установить в фойе биофака или у парадного входа в здание, было уже поздно.

Кулакова устроила за это нашим начальникам колоссальный скандал, размеры и эмоциональный накал которого я еще даже оценить не мог и ощутил на себе лишь на другой день. Шереметьев и Суворов отправили меня на свалку, чтобы я срочно нашел эту отливку. Едва приехав туда, я понял всю тщетность моих усилий. Огромная территория, едва ли не в квадратный километр, была завалена горами металла, по которому ездили бульдозеры, автокраны, погрузчики и прочая техника.

Я попробовал обратиться к мастеру, принимающему металлолом, с просьбой показать, куда сгружали мусор два дня назад. Он только посмеялся надо мной, широко разведя руками в сторону груд металла, и я уехал ни с чем.

Тогда в головах Шереметьева и Суворова родилась новая идея: сделать маленький барельеф, но уже из бронзы. Задача состояла в том, чтобы уговорить Кулакову на новую работу. Доценты не рискнули показаться ей на глаза и отправили меня: дескать, ты не принимал решения выбросить барельеф и, вообще, ты студент. Мастерская Кулаковой находилась в конце бывшей Краснофлотской улицы (ныне – Ильинка) в здании разрушенной церкви. Едва успев войти и объяснить причину моего приезда, я вынужден был замолчать на долгих 4 часа, пока она объясняла мне, какие мы нехорошие люди: вандалы, варвары, тупицы и недоучки, как мы погубили произведение искусства. Она была права. Поэтому я свою задачу понимал просто: сидел на табуретке, поджав ноги, и слушал. Когда мне казалось, что напор ее иссякал, я пытался заводить разговор, нельзя ли все сделать снова. К концу четвертого часа Кулакова, устав ругаться, взяла лист бумаги и быстрыми штрихами нарисовала силуэт небольшого барельефа. Этот эскиз ныне хранится в Нижегородском областном краеведческом музее, а тогда я с удовольствием и облегчением одобрил ее замысел. Сейчас на памятнике укреплен барельеф, сделанный именно по этому наброску. Еще через месяц мне предстояло ехать на армейские сборы, а у могилы все еще не было ограды и даже не было идей, как ее сделать. Те же самые ребята, студенты теперь уже 5-го курса, посидев в общежитии и устроив мозговой шторм, решили сделать невысокую ограду и огородить ею памятник как можно шире. Пока мы спорили, один из студентов, Володя Макаров, умевший хорошо

рисовать, быстренько сделал эскиз ограды, который после одобрения Шереметьева и Суворова я отвез на металлический завод. Не обошлось и здесь без приключений: заказ потеряли. Через два дня мне надо было уже уезжать в Ковровские летние лагеря, а работа не двигалась. Меня снова послали на завод. Я вручил директору новый эскиз и новый заказ. Он пообещал, что через неделю они начнут его выполнять, раньше никак не получалось, так как на заводе что-то перегорело и он был полностью отключен от электроэнергии. Прямо из военных лагерей, заехав всего на несколько часов домой, я поехал в Новосибирск поступать в аспирантуру. Около года я ничего не слышал об этой истории, пока весной 1972 года А.Ф.Шереметьев не прислал мне в Новосибирск письмо с просьбой о новой сумме денег. З.С.Никоро быстро собрала и перечислила ее. После этого А.Ф.Шереметьев и еще один замечательный человек с биологического факультета – доцент-зоолог Владимир Иванович Козлов завершили все работы. Потом Александр Федорович пригласил меня на открытие этого памятника. В мае 1973 года в Горький съехались многие генетики, имена которых составляют гордость нашей науки: академики Б.Л.Астауров, П.Ф.Рокицкий, а также З.С.Никоро и многие другие. Была научная конференция. Борис Львович сделал доклад о С.С.Четверикове, потом все собрались на кладбище у его могилы.

Сейчас на стене у центрального входа в здание университета, в котором находится биофак, висит небольшая бронзовая мемориальная доска, извещающая, что здесь работал великий генетик С.С.Четвериков.

Описанные здесь трудности достаточно оправданны, т.к. имели как бы двойное измерение: психологическое, связанное с тем, что в те времена никому особенно не было нужно восстанавливать доброе имя С.С.Четверикова, и техническое – ведь тогда пытались построить довольно серьезное сооружение на могиле. Жаль, что в итоге получился лишь обычный могильный памятник, каких на Бугровском кладбище множество.

Однако и другие, значительно более легкие дела давались с большим трудом. Приведу два примера.

В конце 1960-х годов Н.И.Левая и А.Ф.Назарова загорелись желанием повесить портрет С.С.Четверикова в одной из комнат на кафедре А.Н.Мельниченко, однако натолкнулись на сильнейшее сопротивление заведующего. Проявив огромную настойчивость и посетив несколько раз партком университета, портрет они все-таки повесили.

Другой пример. В 1970 году исполнялось 90 лет со дня рождения С.С.Четверикова. Будучи старостой студенческого научного кружка при кафедре, я решил сделать доклад о нем. Однако планы работы таких кружков утверждали на заседаниях кафедр. И вот в начале зимнего семестра во время этого утверждения, в ситуации, не предвещавшей никакой угрозы, А.Н.Мельниченко заявил буквально следующее: "Очень хорошо, что будет рассказано о С.С.Четверикове, но вот только нужно ли делать доклад о каком-то отдельном ученом в тот год, когда вся страна будет праздновать 100-летие со дня рождения В.И.Ленина". И предложил мне вместо доклада о Четверикове сделать доклад о В.И.Ленине. Должен сказать, что в эту минуту я буквально вспотел. В стране шел какой-то шабаш славословия Ленина, и отказ мог иметь непредсказуемые последствия. Поэтому, подумав немного, я предложил, чтобы доклад о Ленине сделал сам А.Н.Мельниченко как крупный ученый, профессор, чл.-корр. ВАСХНИЛ. Мельниченко, подумав, предоставил эту возможность А.Ф.Шереметьеву. Александр Федорович заявил, что в этом семестре у него несколько спецкурсов, и попросил сделать этот доклад И.Н.Грязнова. Предложение о докладе, как огненный шар, перелетало из одних рук, обжигая их, в другие, пока, наконец, не достигло ассистента В.И.Родионова, который мог сделать доклад на любую тему и прочитать любой спецкурс. Он и согласился. Кончилось, однако, тем, что о Ленине доклад не состоялся, а свой о Четверикове я сделал.

И небольшая информация для тех, кто собирает документы о жизни С.С.Четверикова. После окончания университета у меня хранились кое-какие материалы, так или иначе касавшиеся Четверикова. В 1991 году Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник организовал экспозицию, посвященную политическим репрессиям в Нижнем Новгороде. В эту экспозицию я и передал несколько фотографий С.С.Четверикова, письма Е.А.Тимфеевой-Ресовской, З.С.Никоро, Е.И.Балкашиной о С.С.Четверикове, а также упомянутый выше эскиз надгробного барельефа, сделанный Л.Ф.Кулаковой. Удивительным экспонатом могла бы стать крышка от консервной банки с фамилией Четверикова, снятая с могильного столбика во время эксгумации останков. Осенью 1969 года я, подержав ее в руках, с чувством облегчения от того, что худшее в биографии С.С.Четверикова уже позади и что через час-другой он будет перезахоронен на новом месте, отбросил ее как можно дальше в траву. Видимо, не было понимания историзма и не мог я подумать, что это именно тот предмет, который мог бы стать наиболее пронзительным свидетельством отношения ушедшего политического режима к людям, составляющим гордость страны.

И.Ф.Жимулев, чл.-корр. РАН,
ИЦиГ СО РАН, Новосибирск

Из "завещания" С.С.Четверикова (Архив А.Ф.Шереметьева)

Каким должен быть доклад

1. Доклад должен заинтересовать слушателя. Для этого предисловие должно быть построено так, чтобы перед слушателями возник интересный вопрос, на который он бы ждал ответа.
2. Через весь доклад должна проходить "красная ниточка", т.е. все его содержание должно быть объединено вокруг основной центральной мысли, составляющей ответ на поставленный в предисловии вопрос. Все не относящееся к этой "красной ниточке" должно быть либо совсем опущено, либо сведено до минимума, даже если вопрос сам по себе является интересным.
3. Доклад должен быть построен красиво, стройно, логично, четко. Очень хорошо выходит, если изложение разбито на отдельные вопросы, подчиненные одной основной теме, причем изложение ведется в форме поставленного вопроса, на который сейчас же дается развернутый ответ.

4. Доклад должен быть не более чем на 1 час, более долгий доклад утомляет слушателя, как бы хорош он ни был.